

Joseph RAISKIN
“Wait for me” — music with burn-
traces of the war years

Иосиф РАЙСКИН
«Жди меня»
Музыка, опаленная войной

*Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди...*
К. Симонов

Не понять, не ждавшим им, / Как среди огня / Ожиданием своим / Ты спасла меня...

Не понять нынешним молодым, счастливым поколением, не знавшим бедствий войны, каким утолением жажды были строки поэта, какой надеждой светились глаза матерей и юных жен, слушавших или певших бесхитростные куплеты:

*На позиции девушка провожала бойца,
Темной ночью простились на ступеньках крыльца.
И пока за туманами видеть мог паренек
На окошке на девичьем все горел огонек...*

До сих пор — в печатных ли изданиях, в интернете — встречаю разное об авторе этой песни на стихи Михаила Исаковского. Одни называют композитора Бориса Мокроусова, другие пишут: «музыка народная». Но кто тогда — спросите своих отцов и дедов — интересовался авторством?

...Третьеклассником я вернулся в январе 1945-го из эвакуации в Ленинград. И по дороге, на полустанках, и на улицах едва оправившегося от блокады города — не в центре, а чуть поодаль — можно было еще встретить безногих инвалидов, просивших подавание возле пивных ларьков. Нередко попадались и «самовары» — несчастные без рук и без ног. Милиция с ними не церемонилась, прогоняла. А потом «бесхозные» инвалиды как-то вдруг исчезли. Уже много позже мы узнали, что их всех отлавливали, чтобы не печалили своим видом улицы и проспекты, и свозили в специальный интернат на острове Валаам.

Случалось, инвалиды пели — или под гармошку, или без сопровождения — и не вагонную, полублатную лирику, а военные песни, те, что звучали по всей стране. И, конечно, не марши — «гремя огнем, сверкая блеском стали» — а тихие и душевные песни, что помогали людям выжить в тылу, а солдатам выстоять в окопах. Пели

The article is devoted to the music of the war years, to the premières of the Mariinsky Theatre recalling those years in memory — from song to symphony and opera.

Key words: Mariinsky (Kirov) Theatre, *Born in the USSR* performance cycle, music for celebrating the Great Victory.

Статья посвящена музыке военной поры, премьерам Мариинского театра, воскрешающим в памяти военные годы — от песни до симфонии и оперы.

Ключевые слова: Мариинский (Кировский) театр, цикл «Рожденные в СССР», музыка к празднованию Победы.

«Темную ночь» Никиты Богословского, «В землянке» Константина Листова, «Вечер на рейде» Василия Соловьева-Седова, с довоенных лет полюбившуюся «Катюшу» Матвея Блантера...

Война — страшно сказать — очищала и просветляла. Сдается мне, ни до, ни после пронзительной «Землянки» не написал Алексей Сурков, один из наших литературных «генералов», ничего, что стало бы с ней вровень. В этих стихах его, как говорится, Бог поцеловал! А с музыкой Константина Листова стихи стали песней-шедевром:

*Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутовавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви.*

Настоящая поэзия и символична, и точна до мельчайших подробностей. Все именно так и было, как сказал поэт-фронтовик Александр Межиров:

*Стенали яростно, навзрыд,
Одной единой страсти ради
На полустанке — инвалид,
И Шостакович — в Ленинграде.*

Стихи не столько о блокадной премьере Седьмой «Ленинградской» симфонии, не столько о разрывающем душу пении инвалидов. Стихи о соизмеримости, о масштабах великих песен и великих симфоний. Об их *равновеликости!* Невольно подумалось об этом на петербургской премьере симфонической поэмы Александра Локшина «Жди меня» для голоса и оркестра на ставшие знаменитыми стихи К. Симонова. Оркестром Мариинского театра дирижировал Валерий Гергиев, солисткой выступила Екатерина Сергеева.

Александр Локшин — имя, которое, увы, неизвестно широкой публике. Между тем Дмитрий Шостакович, Мария Юдина, Борис Тищенко, Рудольф Баршай и другие выдающиеся музыканты называли музыку А. Локшина *гениальной!*

Александр Лазаревич Локшин (1920–1987) родился в небольшом сибирском городе Бийске. Шестнадцатилетний юноша поступил на 2-й курс училища при Московской консерватории, а весной 1937 года переведен в консерваторию — и тоже на 2-й курс, в класс композиции профессора Н.Я. Мясковского. В мае 1941 года (до защиты диплома!) был принят в Союз композиторов СССР, а спустя месяц при сдаче выпускных экзаменов лишен диплома и исключен из консерватории за сочиненные им Три пьесы для сопрано и симфонического оркестра «Цветы зла» на «упаднические, декадентские» стихи Шарля Бодлера.

22 апреля 1943 года в Новосибирске состоялась премьера симфонической поэмы А. Локшина «Жди меня» (1942) на стихи К. Симонова. Прославленным оркестром Ленинградской филармонии дирижировал Е.А. Мравинский (соло — Е. Вербицкая). Во вступительном слове перед концертом И. Соллертинский высоко оценил сочинение молодого композитора, сказав, что «этот день войдет в историю русской музыки». По возвращении в Москву Локшин был восстановлен (по ходатайству Мясковского) в консерватории, а поэму «Жди меня», сыгранную под управлением Н. Аносова, зачислили в качестве дипломной работы. Окончивший консерваторию с отличием Локшин с 1945 года вел курсы инструментовки, чтения партитур и музыкальной литературы. В июне 1948 года композитор попал в жернова кампании по «борьбе с космополитизмом» и за пропаганду среди студентов «идейно чуждой» музыки Малера, Берга, Стравинского и Шостаковича был уволен из консерватории. Вынужденный для заработка инструментовать чужие сочинения, писать музыку к кинофильмам и спектаклям, композитор бескомпромиссно отстаивал свой художественный мир. Глубина и та высокая простота, которая завоевывается не жаждой успеха, а стремлением «во всем... дойти до самой сути, ... до оснований, до корней, до сердцевины» (Б. Пастернак) — вот главнейшая черта творчества Александра Локшина, вот его «патент на благородство!» Опираясь на стихи любимых им поэтов, композитор средствами симфонической драматургии «укрупняет» слово, возводит цельную музыкально-поэтическую концепцию. Так было и с лирическим посланием К. Симонова, и с иными поэтическими импульсами, рождавшими отклик у композитора. Из 11-ти симфоний А. Локшина только одна Четвертая — чисто инструментальная. Остальные вызваны к жизни латынью зауспокойной мессы и древнегреческими эпиграммами, стихами Р. Киплинга и сонетами У. Шекспира, стихами А. Блока, Н. Заболоцкого, Л. Мартынова, «Песнями западных славян» А. Пушкина, японской лирикой и творчеством португальского поэта эпохи Возрождения Л. Камозанса. В этот же ряд входят и другие сочинения А. Локшина: кантата «Мать скорбящая» на тексты из «Реквиема» А. Ахматовой и русской зауспокойной службы, моноопера «Три сцены из „Фауста“», «Искусство поэзии» для сопрано и камерного оркестра на стихи Н. Заболоцкого...

Когда Александр Локшин скончался (11 июня 1987 года), дирижер Рудольф Баршай, не раз исполнявший и записывавший сочинения композитора, выступил в русском зарубежном журнале «Континент» со статьей «Памяти друга». Баршай выразил надежду, что «время Локшина еще придет, и русская публика с благоговением почтит память своего выдающегося композитора».

Увы, справедливость порой восстанавливается преступно поздно («в России надо жить долго!»). Александр Локшин не дождался мариинской премьеры «Жди меня», прошедшей под аплодисменты зала семьдесят с лишним лет (!) спустя после упомянутой новосибирской. В том же концерте В. Гергиев познакомил петербуржцев с Третьей симфонией Локшина на стихи Р. Киплинга и с его же комической ораторией «Тараканище» на слова К. Чуковского.

В рамках абонемена «Рожденные в СССР» в Мариинском театре и в его Концертном зале представлены давно не шедшие на сцене оперы А. Спадавеккиа («Овод»), Т. Хренникова («В бурю»), К. Молчанова («Зори здесь тихие»), оперетта Д. Шостаковича «Москва-Черемушки». Разумеется, музыка их не равноценна, но абонемент и задумывался не как парад шедевров, а как живая музыкальная антология советских лет.

Имя **Кирилла Владимировича Молчанова** (1922–1982) сегодня немного скажет широкому слушателю — разве что профессиональным музыкантам, да и то, скорее старшего поколения. Но стоит только вспомнить две-три песни — одни слова! — хотя бы эти: «Вот солдаты идут по степи опаленной...», или «От людей на деревне не спрятаться...», или «Парней так много холостых, / А я люблю женатого...» — как тотчас вы, улыбнувшись, запоете знакомую мелодию.

Пронзительная повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие» о подвиге девушек-зенитчиц стала сюжетом последней (восьмой!) оперы Молчанова. Композитор и драматург (автор либретто большинства своих опер), Молчанов замечательно ощущает специфику музыкального театра. При этом, не изменяя песенной природе своего дара, широко пользуется приемами сопредельных искусств, прибегает к кинематографическим «наплывам», к кадрам-воспоминаниям, к монтажной драматургии.

Столь же своеобразен и музыкальный язык оперы — тут и «бытовая» песня, и эстрада, и музыка барокко. Композитор «портретирует» героиню оперы, каждую в своем роде, сообразно их характеру, и пользуясь близким им музыкальным «словарем». К примеру, Лиза Бричкина, крестьянская девушка, обрисована протяжной песней и частушкой, а Соня Гурвич, влюбленная в поэзию Блока, — интонациями русского романса, хоралом Генделя. Женя Комелькова предстает поначалу в нехитром вальсе, словно перенесенном с городской танцплощадки; она же с гитарой в руках на глазах зрителей «слагает» простую куплетную песню на все те же легендарные стихи Константина Симонова «Жди меня» — обобщенный образ женской верности, оберегающей солдата.

К своему командиру старшине Васкову девушки поначалу относятся с немалой иронией. Он охарактеризован маршем на приписываемые чуть ли не Александру Васильевичу Суворову слова: «О, воин, службою живущий! / Читай Устав на сон грядущий. / А утром, ото сна восстав, / Читай усиленно Устав». Пожилой старшина / по-отечески опекает девушек, сочувствуя им, переживая их трагическую гибель.

Оркестр, экономный, скупыми средствами передающий атмосферу действия, поддерживает эмоциональную атмосферу оперы, драматический накал кульминаций. «Трубный» лейтмотив, открывающий оперу, потом оживет в слегка варьированном виде в обращении Риты Осяниной «Нас не надо жалеть!» на стихи поэта-фронтовика Семена Гудзенко. Поддержанный струнными и солирующей трубой, он звучит как слово от автора.

Благодарную дань памяти героиням оперы, на всегда оставшимся молодыми, принесли солисты и ансамбль Академии молодых оперных певцов Мариинского театра во главе с художественным руководителем Академии и ответственным концертмейстером Ларисой Гергиевой. Молод и дирижер Заурбек Гугкаев, державший в руках все нити партитуры, сопрягая их в драматическое, но без лишнего пафоса, музыкальное действие. Не боясь обидеть всех участников исполнения, назову лишь превосходных певцов, занятых в главных партиях: Ирину Шишкину (младший сержант Осянина Рита), Екатерину Сергееву (Комелькова Женька), Марию Баянкину (Бричкина Лиза), Эмилию Абаеву (Гурвич Соня), Андрея Серова (старшина Васков).

Память о павших солдатах мы храним в сердцах. Негодует, когда эту память предают забвению. Но хорошо ли мы знаем живых ветеранов — большинству

из них сегодня за девянство! Вот стихи русского и израильского поэта, выдающегося врача-ортопеда, доктора медицинских наук, а в Великую Отечественную войну — командира танкового взвода, гвардии лейтенанта, дважды представленного к званию Героя Советского Союза, кавалера многих советских и польских орденов Иона Дегена:

*Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам еще наступать предстоит.*

Стихотворение написано 19-летним солдатом в декабре 1944 года. Долгое время устно передавалось и переписывалось как народное — как стихотворение неизвестного автора-фронтовика. Об авторстве Дегена стало известно только в конце 1980-х годов. Евгений Евтушенко назвал эти восемь строк Дегена гениальными, ошеломляющими по жестокой силе правды. 4 июня 2015 года Иону Лазаревичу Дегену исполнится 90 лет!

Сто лет тому назад Владимир Держановский, редактор-издатель московского журнала «Музыка» начал публиковать на его страницах «Тексты для музыки», призванные знакомить композиторов — авторов будущих романсов и песен с современной поэзией.

Почему бы петербургскому журналу Musicus не принять эту эстафету — пусть даже в одном, исключительном случае?